

католический богослов, предложил обновлять теологию прежде всего через рефлексию по поводу феномена религиозного обращения личности. Он рассматривает обращение как продолжающийся процесс, одновременно личностный, общественный и исторический, то есть как совпадающий с живой религией. По его мнению, теология сегодня должна больше интересоваться не человеческой природой, а о человеческой историей.

Поскольку теология есть не только философствование, но и искание лика Божьего, то в психологическом смысле, по словам С. С. Аверинцева, «любой просчет в отношениях с личным, водящим, любящим и гневающимся Абсолютом представляет абсолютную опасность. <...> Впавший в ересь совершает не отвлеченную мыслительную ошибку, но бесконечный по своим последствиям личный проступок в своих взаимоотношениях с Богом» (Аверинцев С. С. Теология // Философская энциклопедия. Т. 5. М., 1970. С. 201). Нередко приверженность и строгое следование определенной философской системе препятствует развитию богословия. Например, господство учения Аристотеля в XIII—XVII вв. было в известной мере пагубным как для науки, так и для богословия. Богословие заметно прогрессирует только на фоне плюрализма философских систем и разнообразия опыта. Христианство или ислам невозможно подогнать под какую-нибудь одну философию. Хороший богослов не соглашается безоговорочно с метафизикой, а видоизменяет и приспособливает ее для своих целей.

Разин А.В.

Страх Божий как основание религиозного чувства: библейские представления и отеческая письменность

Отношения между человеком и Богом в христианском понимании являются глубоко таинственными, то есть мистическими, исходя из самой тайны Божества и личностного начала человека, как существа сотворенного по «образу и подобию» Божию. История-опыт этих отношений составляет христианское Предание, в котором, по данному дару слова, именуется пути богопознания и в нем же осуществляются. Как и все в христианстве, Предание личностно, - богопознание как общение с Богом происходит через усвоение исторического опыта богопознания в его личностной, экзистенциальной актуальности.

По «школьному» определению Божественное Откровение как явление Бога человеку, совершается в Писании и Предании, хотя в общем смысле и Священное Писание может пониматься как часть Предания. Как и во всяком описании, в изложении опыта богопознания, восприятия Откровения, мы можем выделить несколько основных понятий, его характеризующих. Для христианского богословия основой формирования этих понятий является Священное Писание и Предание, в их практическом религиозном усвоении.

Для христианства, смыслом которого является спасение, то есть восстановление человека в Боге во всей цельности личности, не свойственно разделение теоретического понимания и практической деятельности, поэтому познание истины предполагает ее практическое усвоение, опять таки по сущностной личностной характеристике христианства – личное обращение Бога к человеку как личности. Богопознание всегда есть – узнавание Отца чрез Сына в Духе, познание Бога в единстве Триипостасной таинственности Божественной Троицы.

В этом смысле и извлечение основных понятий, характеризующих отношение человека и Бога, из текста Священного Писания необходимо отсылает нас ко всему корпусу отеческой письменности, не только непосредственно экзегетического характера, но и общего аскетически-нравственного направления.

Одним из фундаментальных понятий, характеризующих отношение человека к Богу является понятие «страха Божия», как начального и основного чувства к Богу, которое при всей ясности страха как общего человеческого чувства, безусловно, требует религиозного изъяснения.

В изложении опыта богопознания человек исходит из анализа свойственных ему внутренних движений, которые могут быть отнесены не только к Богу, но и к иному явлению его жизни: вера как уверенность, надежда как чаяние, любовь как напряженное жертвенное влечение. В этом отношении, страх, как одно из сильнейших и первичных чувств или состояний души, понятен каждому в сфере его внутреннего опыта.

Философия и психология 19-20 вв. уделила много внимания феноменологии страха, от анализа страха как фундаментального экзистенциала человеческого существования до различных фрейдистских и пост-фрейдистских концепций бессознательного. В экзистенциальном развороте протестантского богословия по-новому были осмыслены понятия любви, надежды, веры, страха.

Для традиционного православного богословия принципиальным является не столько стремление к личностной интерпретации - для - и - на - современном языке культуры, а стремление открыть язык традиции, критически рефлексирова (или редуцируя) свое естественное, по данности, пребывание в этом же языке культуры.

Так называемое «отеческое согласие» в интерпретации и позволяет услышать язык традиции и связность Писания и Предания, позволяет нам, производя историко-текстуальную экзегезу библейского понятия «страха Божия», не только опираться, но даже предпосылать в понимании, определение этого понятия в отеческой письменности.

- Единое отеческое учение о «страхе Божиим» состоит в том, что он есть начало и основание богопознания, движения к Богу. Библейское основание к этому: Ветхий Завет - страх Божий религиозное чувство времен патриархов *«Если бы не был со мною Бог отца моего, Бог Авраама и страх Исаака, ты бы теперь отпустил меня ни с чем» Быт. 31, 42;* страх Божий – откровение синайского Завета *«И сказал Моисей народу: не бойтесь; Бог [к вам] пришел, чтобы испытать вас и чтобы страх Его был пред лицом вашим, дабы вы не грешили»;* и, наконец, развернутое учение о страхе Божиим в разделе учительных книг или книг «премудрости», «мудрецов», прежде всего кн. Иова *«и сказал человеку: вот, страх Господень есть истинная премудрость» Иов. 28, 28,* Псалтири *«Начало мудрости - страх Господень; разум верный у всех, исполняющих заповеди Его» Пс. 109, 10,* кн. Притчей *«Начало мудрости - страх Господень, и познание Святого – разум» Прит. 9, 10* и др. В Новом Завете понятие страха Божия как основы религиозного чувства раскрывается преимущественно в посланиях ап. Павла, из самых ярких *Фил.2:12 «Итак, возлюбленные мои, как вы всегда были послушны, не только в присутствии моем, но гораздо более ныне во время отсутствия моего, со страхом и трепетом совершайте свое спасение».*

Библейские характеристики страха Божия даются также через ряд параллельных «синонимов» – «страх и трепет», «страх и ужас», «держава и страх», «благоговение и страх» и др., и через действия страха Божия – страх, *«дабы вы не грешили»;* *«будет страх Господень на вас, действуйте осмотрительно»;* *«страх Господень чист»* (очищение); *«источник жизни»;* страхом *«спасайте, обличайте»* и т.п.

- Страх Божий является первой ступенью в богопознании, так как именно в нем начало покаяния, очищения, сокрушение первичной гордыни, умягчение сердца, принуждение к добродетели. В страхе Божиим дается правильное

видение греховного состояния падшего человека вообще и осознается собственная безответность пред Богом, различается греховное направление воли человеческой и даются основания к взысканию воли Божией. Соответствующее действие внутреннего изменения в опыте страха Божьего заключено в библейском понимании премудрости, начало которой страх Божий. Симеон 1, 322

Страх Божий как первая ступень богопознания, то есть спасительного действия, связывается в отеческой письменности с деланием из страха наказания, чему последует и делание из надежды воздаяния, а затем и стремление к добродетели по любви в ней, в желании совершенства. Преп. Кассиан – «три побуждения заставляют людей подавлять страсти: страх геенского мучения в будущем, ... надежда и желание получить Царство небесное; наконец, любовь к добродетели или добролюбие ...»⁹⁷

При этом следует и различие в понимании страха Божия, которое ясно указывает, что страх Божий, как основа религиозного чувства не исчезает при явлении божественной любви, но приобретает иное качество, страха совершенного, благоговейного трепета к святыне. «Итак, кто будет утверждён на основании совершенной любви, тот непременно взойдет на высшую степень того особенного страха, который рождается не от опасения наказаний и не от желания наград, но от великой любви. Это такой страх, которым сын страшится нежнейшего отца, или брат брата, или друг друга, или супруг супруги; здесь мы боимся не наказания или укоризн, но малейшего оскорбления любви и всегда находимся в величайшем опасении, чтобы не только каким либо поступком, но даже и словом не охладить горячности любви к нам. Один из пророков Исаия хорошо изобразил достоинство этого страха, когда сказал: *богатство спасения - мудрость и разум, страх Господень, сие есть сокровище его* (Ис. 33, 6). Он не мог очевиднее выразить достоинство и пользу сего страха, как сказав, что им сохраняется богатство спасения нашего, состоящее в божественной премудрости и разуме»⁹⁸.

- Вопрос о соотношении страха Божия и любви в движении к спасению требует особого изяснения в силу свойственного обыденному гуманистическому сознанию противопоставления страха Божия и любви, как, соответственно, низшей, «отчужденной» формы отношения человека к Богу и совершенной высшей, собственно христианской. К этому находят и библейское обоснования в виде различия отношений Ветхого Завета как религии «закона»

⁹⁷ Цит. по Серафим (Соболев), архиеп. Искажение православной истины в русской богословской мысли. М., изд. Московского полурья Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1997, с. 122

⁹⁸ Иоанн Кассиан Римлянин. Писания. М., Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1993, с. 379

и Нового Завета как религии «благодати», опираясь на апостольское учение о законе и благодати. В такого рода прочтении апостольского учения происходит, как нам представляется, своеобразная примитивизация духовного содержания Ветхого Завета на основании его «преходящести» с последующим, необоснованным переносом этого противопоставления в область личного богопознания. Духовное единство Ветхого и Нового Завета совершенно ясно представлено в евангельском учении самим Спасителем, Который пришел не нарушить, а исполнить закон, и тем самым дать возможность его исполнить всякому в непреложной заповеди любви, главной заповеди закона – *«Учитель! какая наибольшая заповедь в законе? Иисус сказал ему: возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим: сия есть первая и наибольшая заповедь; вторая же подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя; на сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки»* Мф. 22, 36-40. В известном изложении веры Израиля (Второзаконие 6 гл.) Моисей заповедует *«бояться Бога и исполнять все заповеди Его»* (2ст.), какие же? – указанная в Евангелии заповедь о любви, и это есть седио Израиля – *«Слушай, Израиль: Господь, Бог наш, Господь един есть; и люби Господа, Бога твоего, всем сердцем твоим, и всею душою твоею и всеми силами твоими. И да будут слова сии, которые Я заповедую тебе сегодня, в сердце твоём [и в душе твоей]»*. (стт. 4-6)

Библейское и отеческое свидетельство утверждает необходимое единство этих религиозных чувств, когда страх Божий порождает любовь, но любовь не уничтожает страх, а делает его иным. Отношение страха и любви (наказания и прощения-милости) исходит из того, что Бог есть Любовь и Истина, то есть Правда и Суд.

Искусственное разделение этих понятий может происходить при утверждении некоего человеческого достоинства к совершенству («желаю любить, так как это хорошо»), и одновременно незнанию или противлению к основанию любви, то есть пониманию собственного не-достоинства, как греховности пред Богом. Любовь, в которой исчезает страх, является не неким интеллектуальным действием, а плодом сознательного аскетического жизненного действия, именуемого покаянием.

Один из известных образов отношения страха и любви в богопознании принадлежит высокому созерцателю таин Божиих преп. Симеону Новому Богослову, именно ему Церковь усвоила именование Богослова, после евангелиста Иоанна и святителя Григория, свидетельствуя тем самым глубину постижения им Божественного Откровения.

«О благодать безпредельная, о любовь неизреченная! Поэтому я и припадаю к Тебе, горячо взывая: как принял Ты блудного сына и блудницу, пришедших к Тебе, так прими, Милостиве, и меня, от души кающегося. Вменив, Христе мой, капли слез моих как бы в источники всегда текущие, омой ими душу мою, омой и скверны тела моего, которые от страстей. Очисти и сердце мое от всякого лукавства, потому что оно есть корень и источник греха. Лукавство есть семя лукаваго сеятеля; а где оно есть, там и произрастает, и поднимается вверх, и производит весьма много ветвей лукавства и злобы. Его-то корни из глубины исторгнув, Христе мой, и очистив ниву души и сердца моего, всади в них страх Твой, Милостиве. Дай ему укорениться и хорошо взойти, дабы он высоко возрос на стражи заповедей Твоих, ежечасно возвращаемый умножением слез и слезных потоков, будучи орошаем которыми, он все более растет и поднимается вверх. Соразмерно страху и вместе с ним возрастает и смирение, от смирения же исчезают все страсти, а с ними прогоняется и полчище демонов. Все же прочие добродетели вокруг этой царицы добродетелей являются как бы стражами, подругами и служанками, сопровождающими госпожу. Когда он бывают собраны вместе и соединены друг с дружкой, тогда среди них, как древо при истокищах вод (Пс. 1, 3), произрастает страх, насажденный Тобою, и мало по малу показывает необычайный для меня цвет. Необычайный, сказал я, потому что всякая порода рождает по роду своему, и семя всех деревьев в каждом из них бывает по роду его. Страх же Твой показывает и цвет необычайной породы и плод также необычный и неподходящий к нему. Так как страх естественно полон уныния и стяжавших его беспрестанно печалит, делая их как бы рабами, заслужившими многих ударов, которые с часу на час ожидают посещения смерти, видя кося ея и не зная только последнего момента. Не имея ни надежды ни полной уверенности в совершенном помиловании, они дрожат и трепещут конца, томясь неопределенностью и постоянно ожидая окончательная судебного приговора. Итак, тот цвет, который приносит страх, неизъясним по виду и еще более неизъясним по образу, потому что, расцветая, он бывает видим, но тотчас же исчезает, что не естественно и не последовательно, но вопреки естеству природы превосходит всякую природу. Между тем цвет кажется столь прекрасным, что превосходит всякое слово и увлекает весь ум мой к созерцанию себя, не позволяя ему помнить ничего внушаемого страхом, но производит у меня тогда забвение всех этих вещей, и вскоре ... улетает. Дерево же страха снова бывает без цвета; когда же я, отдавшись печали, въздыхаю и горячо взываю к Тебе, снова вижу цвет на ветвях дерева. Устремив взор, о

Христе мой, на один цвет, я не вижу тогда дерева, но все более и более расцветающий цвет, который, привлекая всего меня к себе любовью, переходит в плод любви и исчезает. Плод же этот не терпит, чтобы его носило дерево страха, но когда вполне созреет, тогда кажется одним без дерева, потому что в любви совершенно нет страха, однако без страха этот плод не может родиться в душе»⁹⁹.

Рахова Е.Э.

Наука и религия в жизни и творчестве святых ученых

В наше время, время возрождения в нашем Отечестве православной веры и православной науки, очень важно обратиться к опыту верующих ученых, тем более святых ученых, не только совмещавших в своей жизни и творчестве научную деятельность и христианскую веру, но специально исследующих соотношение этих двух способностей человеческого духа. Наука и религия в понимании этих православных ученых не только не противоположны, как это долго утверждала атеистическая пропаганда, но нуждаются друг в друге.

Митрополит Московский Филарет (Дроздов), известный подвижник христианского просвещения и науки в России XIX в., писал о вере: «Вера Христова не во вражде с истинным знанием, потому что не в союзе с невежеством»¹⁰⁰. Одновременно он предупреждал против отделения научного познания от религии: «Свет одного научного образования без света Христовой истины – все равно, что свет луны без солнца, свет холодный и безжизненный, свет чуждый и заимствованный; он будет только скользить по поверхности души, как скользит свет луны по скале, не проникая внутрь ее, - никогда не в состоянии будет согреть, оживить и возбудить сердце наше к трудам и подвигам, скорбям и лишениям. Напрасно душа, коснеющая в отчуждении от Бога, источника жизни и начала добра, напрасно мечтает, что она развивается, возвышается, растет и идет вперед: а в ней развивается только дух самолюбия, она возвышается только гордостью, растет только в зле, идет вперед, но путем суеты, ведущим в погибель. Бесполезны все наши познания, когда мы при них Иисуса Христа не знаем. Что пользы для корабля от мачты, кормщика, матросов, парусов и якоря, если нет ветра? Что пользы и в красноречии, остроумии, познаниях, образованности, разуме, если нет в душе Духа Святого?

⁹⁹ Симеон, Новый Богослов. Творения. Т3. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, с. 26

¹⁰⁰ Св. Лука (Войно-Ясенецкий). Наука и религия. М., 2001. С. 316.